

Ольга Демидюк

ВСЁ ЖИВОЕ ЖИВЁТ ЛЮБОВЬЮ

*Как найти радость
в каждом дне*

Ольга Демидюк

Всё живое живёт любовью. Как найти радость в каждом дне Серия «Утешение для души (Никея)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73050373

Всё живое живёт любовью. Как найти радость в каждом дне: Никея;

Москва; 2025

ISBN 978-5-908047-07-4

Аннотация

Новая книга Ольги Демидюк рассказывает о жизни в деревне, путешествиях и поездках, о жизни в большом городе – еще до деревни... Но главное – она написана с любовью, благодаря которой все прорастает – пионы, «папина картошка», «мамины помидоры» и, конечно же, сами истории. Они словно пронизаны глубокой верой, чуткостью к миру, умением вглядываться в него («чуці» в переводе с белорусского – «слышать»). Ведь любовь всегда начинается с Божьей помощью, умения видеть, наблюдать за людьми, за миром и самим собой.

Содержание

Предисловие	5
Любовь в маленькой деревне	6
В предыдущей серии	6
Боже, храни газовиков	9
Небо Валаама	12
Борис	16
Прыйдзе Ілля, наробиць гнілля	25
Деревенские вечеринки	27
Какая-то деревенская баба	32
Всё живое живёт любовью	37
Богословие на котиках	47
Ежедневник 2025	52
Мои социализации	56
Кто мой муж?	58
Бесконечный ноябрь	63
Мои дорогие «сожители»	67
Весна просыпается	71
Опоры большие и маленькие	74
Баба Женя	80
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Ольга Демидюк

Всё живое живёт любовью

Как найти радость

в каждом дне

*** * ***

© ООО ТД «Никея», 2025

© Демидюк О. В., 2025

Предисловие

Когда я решила издавать вторую книгу, подумала, что одна глава в ней должна называться «Село»: я уже восемь лет живу в деревне и продолжаю об этом рассказывать, потому что не умею жить без бытописательства. Вторая глава – «Город». До жизни в деревне я была абсолютно городским человеком и накопила об этом истории. Ну а третья, конечно, должна называться «Ни к селу ни к городу» – и там можно писать вообще обо всем.

Думала даже, что так и назову книгу – «Ни к селу ни к городу». Если бы вам что-то не понравилось, могли бы закрыть ее и сказать: «Ни к селу ни к городу». А я ведь предупредила!

В итоге я поняла, что писать мне хочется только о любви. Не так важно, где ты живешь и кем работаешь. Деревня, город большой или маленький, поезд, дорога, родной дом – только декорации, в которых случаются истории и живет любовь. Моя книга об этом.

Любовь в маленькой деревне

В предыдущей серии

Иногда думаю: как же хочется бросить всю эту взрослую жизнь, переехать в деревню и всю зиму смотреть на снег, на синиц за окном и читать книги. А потом вспоминаю: я ведь так и живу. И становится хорошо оттого, что не надо больше ничего бросать, ведь все это я уже проделала в предыдущей серии.

Ее краткий пересказ такой.

Я уволилась с инженерной работы и уехала из большого города в деревню, где жили еще мои прадеды. Сначала думала, что это не всерьез, я просто проведу здесь лето, – но незаметно осталась жить насовсем. Очень скоро стала «обрастать» животными, как диснеевская Белоснежка. Ко мне пришел пес Балбес, потом кошка Мотя. Она сошлась с рыжим соседским котом и подкинула мне парочку своих детей, чтобы я уже совсем никуда не делась. А потом мы с Балбесом выбрали котенка Борьку, который быстро стал блестящим котом Борисом.

Летом в деревню приезжают мои мама, папа, брат, племянники, приходят соседские дети и еще еж Федя. Мы уже тут все плохо помещаемся, но при этом никто не собирается

никуда деваться. И хорошо.

Как-то вечером шел дождь, мы сидели под навесом и, как было у писателя Юрия Каракура, слушали крышу. Балбес – у меня в ногах, Борис – на руках, кошки – каждая на своем чердаке. И я подумала: как это все получилось? Вот говорят – «жизнь разбросала». А нас, выходит, дом подсобрал.

В деревне каждый занят делом. Балбес бегает по картофельному полю и ругается на трактор. Мотя ловит мышей в сарае соседки Ленки. Борис – блеснит. Кошки лежат, свернувшись в кружочки. Папа сажает картошку. Мама – помидоры. А я обо всем этом пишу.

За цветным забором моего дома росла старая слива, которую сажал еще мой дед Гриша. Слива давала плохие плоды. Они падали во двор и лежали под ногами. Мой папа эту сливу срезал. А пенек от нее оставил. Сказал: «Олечка, это тебе столик для чашки с кофе». Мне было жалко сливу, но оказалось, что папа этим ходом завертел настоящую историю.

Я стала ходить к пеньку по утрам с чашкой кофе, встречать солнце и снимать рассветы на видео. Одно из них увидела известный блогер Алеся Казанцева, выложила в своем блоге, и ее аудитория заплакала. Каждый вспомнил рай своего детства: деревянный забор, «кукареку» петуха, яблони, птиц, тишину, туман. И то, как обидно был изгнан во взрослую жизнь.

Алеся просила меня не останавливаться. Вставать каждое утро, снимать рассвет на видео и возвращать людей в рай. Я

выходила из дома, а все мои животные, которых мама называет «сожители», преданно шли за мной. Про эту историю я написала книгу «Солнце взойдет». Неожиданно она стала популярной. Ни я, ни пес Балбес, ни Ленкин петух, ни еж Федя не были готовы к такому успеху.

Мой друг написал мне: «Ты теперь переедешь в пентхаус и будешь писать про светскую жизнь?» Я только улыбнулась. Жить в деревне нам все еще хорошо и весело. Мое счастье по-прежнему состоит в том, чтобы сидеть на аслонке – маленькой лавочке – утром, опираясь на столетний дом предков, пить кофе. Чтобы мимо прошел сосед Гена и сказал: «Малая, если тебя кто обидит, я ему уши оторву», чтобы проехал сосед Игорь на скутере в магазин с утра пораньше, чтобы мои «сожители» расположились на дороге, чтобы передо мной росла вишня Василий, которую посадил мой отец.

Боже, храни газовиков

Несколько дней была в Минске. Там какой-то дикий холод. Ужасно замерзла. Ехала домой в маршрутке, за окном темнота и дождь, и думала, что сейчас приеду домой, а дом холодный, даже ледяной. У нас газовое отопление, но весь сентябрь было лето, и котел мы не включали. Я вернусь поздно, папа уже спит, ему не позвонишь. А я снова забыла всю схему включения котла. Сначала нажать, потом подождать и покрутить? Сначала покрутить, потом нажать? А сколько крутить? А долго ждать? В начале сезона котел часто не включается. Нужно как-то по-особому к нему подходить.

Вышла из маршрутки в маленьком городе, вызвала такси до деревни. Едем. За окном по-прежнему темнота и дождь. И я опять думаю, что нет ничего хуже, чем спать в холоде. Наверное, пойду в сарай за дровами, буду топить печку-грубку, но дом не прогреется быстро...

Таксист ведет со мной обычный таксичный (не токсичный) разговор. «А у вас в деревне асфальт? А сколько жилых домов? А я вас раньше не возил? А у меня друг живет в вашей деревне, а, нет, не в вашей...»

Я вяло поддерживаю диалог. Работаю журналистом, в Минске брала три интервью. Уже совсем не могу ничего говорить, кроме как «да», «угу», «ага», а сама все думаю: «Надо все же попробовать включить котел. Интересно, а поче-

му ко мне этой осенью не приходили газовики? Может, еще придут? Или не включать самой? А вдруг я не то покручу?»

Вообще, газовики приходят каждый год. Перед отопительным сезоном им нужно проверить котел (они обращаются к нему уважительно – «газовое оборудование»). С приходом газовиков в дом официально приходит осень. В этом году осень никак не шла.

А таксист говорит и говорит. «А у вас в доме газ? А какой котел: круглый или квадратный? А насос там есть?»

«Есть. Квадратный. Нет».

«Включать умеете?» – не отстает таксист.

«Умею», – почему-то обиделась я, хотя вы уже поняли, какой я специалист. И очень лениво, устало, просто из вежливости спрашиваю его:

– А у вас что, тоже свой дом и котел?

– Нет. Я просто газовик. Если вы не сможете включить котел, позвоните в «104», и я приеду к вам на желтой машине с мигалкой.

– Вы – газовик??? А может, вы мне сейчас и включите котел? – тут же проснулась я.

– Да не вопрос, – отвечает газовик-таксист.

Зашел в дом, уверенно подошел к «газовому оборудованию», открыл дверцу котла, достал фонарик. Взял щетку, что-то почистил. Нажал, покрутил, подождал.

Снова нажал, покрутил, подождал. Возился минут пятнадцать (я бы точно не смогла!). Комментировал каждый свой

шаг, чтобы я стала грамотным пользователем. А я только говорила: «Угу». А про себя: «Господи, спасибо Тебе!»

Я стала суетиться, собирать ему с собой яблоки: «Вы меня просто спасли! Спасибо, спасибо, спасибо!»

А он говорит: «Да пожалуйста, до свиданья».

Здравствуй, осень.

Небо Валаама

Спросила у мамы, почему она всегда верила, что мое решение уволиться с инженерной работы и переехать в деревню – правильное.

– Верила и все, – уверенно ответила мама.

– За счет чего? – спрашиваю. – Ведь не было рациональных причин.

Мама помолчала. Положила ладонь на грудь и сказала:

– За счет материнского сердца.

– А как это? Можешь рассказать?

– Это не рассказывается.

В мою деревню приезжали журналисты, чтобы написать материал о моей жизни тут. Говорю им, что вот, на аслонке у столетнего дома сидела бабушка Лена, опиралась на кий и смотрела перед собой. Когда-то так сидел прадед Даниил. В детстве я не понимала, чего бабушка так сидит. А сейчас так сижу я. Каждый день эта лавочка мне просто необходима.

– А ты можешь рассказать, зачем ты сейчас сидишь на этой лавочке? – спросила журналист Катя.

Я помолчала, положила руку на грудь и сказала:

– Это не рассказывается.

Однажды у моей калитки остановился черный БМВ, из машины вышел крупный, уверенный в себе мужик. Кивнул на столетний дом моих прадедушки Даниила и прабабушки

Евдокии и спросил: «Продаете эти доски? Хорошая доска!»

Я возмутилась и строго сказала: «Нет!»

«Понимаю. Самим нужны, да?» – спросил он, но, кажется, ничего не понял.

«Самим», – ответила я.

Мужик уехал. В деревне я живу в доме дедушки и бабушки, а столетний дом стоит рядом, дверь выходит на дорогу. Два шага от порога – кухня, печь. На печи всегда стояла деревянная кадка с квасом. Евдокия каждому, кто проходил мимо дома, предлагала: «Может, кваску?»

Угощала всех яблоками, а на Пасху, конечно, яйцами. Прабабушка и прадедушка никогда не жили богато. Земли было много, а сил и людей, чтобы трудиться на ней, – нет. Жить было трудно. Прабабушка часто ходила босиком. Про прадеда Даниила деревенская жительница сказала мне: «Помню, помню, добры такой дядок сядзел».

А я приклеилась к этим «доскам» и не могу от них отлипнуть. Наверное, потому, что в этом доме жили святые люди. Конечно, никто их не канонизирует никогда. О том, что они святые, никто не знает. Это наш с Богом секрет.

Житие их собираю по крупичам. Что-то вспомнил один житель деревни, что-то – другой. Много работали, все прощали, никого не осуждали, друг друга любили, всех привечали... Я же говорю – святые люди.

А если сесть на аслонак, где сидел прадед Даниил, и приклониться к черной доске, то и без жития все поймешь. Даже

если ты мужик на БМВ.

Когда я была на Валааме, мы ходили на экскурсию по игуменскому кладбищу. Там есть храм, который обычно всегда закрыт. Но именно в тот день – экскурсовод сказала, что это невероятное везение, – он оказался открытым. С нами был священник, который отслужил в нем панихиду.

Храм небольшой, нас – маленькая группа. Мы пишем имена своих родных и любимых на записках «за упокой», передаем священнику...

Мой прадед Даниил, в дом которого я приехала жить, был глубоко верующим. Из деревни ездил в единственную церковь города, которую не закрыли в советское время. Трепетно любил свою неграмотную и добрую жену Евдокию. А она – его. И вот я стою в небольшой церкви острова Валаама и вывожу на листке имена: «Даниил, Евдокия, Григорий, Елена...»

Будто я взяла их всех, посадила в поезд, потом в автобус, а потом на катер и привезла на остров. И в этой церкви они сейчас стоят рядом со мной. Они видели в своей жизни только землю и небо над ней. И не могли представить, что могут забраться так далеко от родных мест. Поэтому сейчас сильно удивлены.

Но, может быть, вечность на то и дана, чтобы Бог омыл их черные и натруженные пятки и показал то, что им было недоступно в жизни.

Небо Валаама.

Вчера был какой-то абсолютно дурацкий день. Не получалось и там, и тут. Все рассыпалось и расшатывалось.

А вечером вышла пить чай на аслонак и услышала, что кто-то летит. Вскочила с лавки, задрала голову вверх. Все внутри вдруг собралось и починилось. И захотелось, как в детстве, когда в небе гудел самолет, бросить игрушки в песочнице, смотреть в небо и махать пилоту.

Только сейчас целый клин «самолетов».

Не знаю, когда перестану этому изумляться. Гуси летят и кричат изо всех сил, потому что наконец вернулись домой. И ты счастлив – и за них, и за себя, потому что тебе даже не пришлось дом покидать.

У мамы в коробочке с надписью зеленым маркером «Гагашары» уже взошли перцы. Под окном – поляна подснежников. Лилейник у старого дома уже новородился, и, как младенец, внимательно смотрит на мир.

Не представляю, где бы я брала силы, если бы не могла вот так сидеть на аслонке, опираясь на стену дома. И высматривать, выслушивать жизнь.

И махать ей.

Борис

Сажу на крыльце, смотрю на звезды. Раньше я сидела так вдвоем с Балбесом. Именно так выглядело мое счастье: позади меня – дом, надо мной – небо, Балбес – под мышкой.

У меня три кошки, все очень независимые, редко приходят на руки. Только если им холодно, а я вдруг оказываюсь теплее батареей. А теперь мы сидим на крыльце втроем. Котенок Борис всегда забирается ко мне на колени. Прижимается всем телом, как когда-то от страха прижимался к земле, когда я нашла его у дороги.

На абрикосе висит гирлянда, как созвездие на небе. А в кармане моей рубашки свернулось клубком, как кот, заветное желание. Я поняла, как работает этот механизм. Когда звезда падает, мы достаем наше заветное желание и отправляем его в небо, чтобы им заштопать в небе дырку или прикрыть ее, как пуговицей. Иначе Богу дует.

Звезды никак не падают. И заветное желание не летит в небо, а зевает и засыпает. Боря громко урчит, ему нет дела до положения звезд на небе, он знает, что уже живет свою лучшую жизнь, и желать ему больше нечего. Разве что еще кильки или поглаживания живота.

А нашли мы его так. Как-то вечером пошли с Балбесом гулять вокруг поля за деревней. Гуляет даже не Балбес, а его нос. Задает направление маршрута. Обнюхивает все вокруг так, как будто что-то потерял. Вижу, что нос Балбеса особенно тщательно нюхает траву у обочины дороги. Подхожу ближе, а там лежит абсолютно неподвижный котенок. Я даже подумала, что его сбила машина. А он весь вжался в землю. И в таком «вжатом» виде стал удирать от меня в поле. Мы с Балбесом кинулись за ним, я кричу: «Дурак ты! Куда? Погибнешь!»

Котенок уполз недалеко и снова замер, притворяясь кочкой.

У каждого из нас бывало такое, когда лежишь на обочине и сил хватает только на то, чтобы дышать через раз. В такие моменты ты не можешь спасти себя сам. Спасти может только Тот, Кто больше тебя. Он возьмет тебя на руки и понесет.

Я взяла котенка на руки и понесла домой, приговаривая: «У тебя будет самая счастливая жизнь, я обещаю». Конечно, решила, что не буду оставлять его себе. Это невозможно. У меня уже три кошки. Я же не какая-то сумасшедшая, которая живет в деревне одна, с кошками и псом, и за которой они каждое утро ходят встречать рассвет.

Нет. Я его откормлю, приведу в чувство и отдам в хоро-

шие руки.

Дома котенок, которого я решила пока звать Борей, тут же спрятался за кухонный шкаф. Я не могла его выманить никакой едой, только светила под шкаф фонариком и видела его желтые глаза и черные усы в паутине.

Да, Боря был черный как ночь. Мама назвала его «негрлик».

Ночью в деревне прошел ливень, и я подумала, что, по крайней мере, котенку за шкафом не капает. Через пару дней Боря решил, что прошлое прошло. Да, было трудно и страшно, но жизнь идет, молоко в миске стоит, и вдруг все еще может быть хорошо.

– Пора начинать новую счастливую жизнь! – вслух сказал Боря, вышел из-за шкафа и пошел драться с веником.

Когда я нашла Бориса, у него были только глаза и когти. Все остальное тонкое и худое. Когти нужны были ему, чтобы держаться за жизнь. Ими он вцепился в меня, когда я несла его домой. Мама говорила, что у него хвост как у крысы. И сам он «якісь брыдкі» (какой-то некрасивый). Было понятно, что таким, с одними когтями и глазами, его никто не возьмет. Надо откормить.

Боря ел, осваивался, бегал по двору и ловил бабочек. Еще пару недель назад лежал на обочине жизни и прижимал живот к земле. А сейчас лежит на лавочке в беседке, тюль закрывает ему глаза от солнца, легкий ветерок обдувает шерсть, а он подставил миру весь свой мягкий уязвимый

живот и с гордостью демонстрирует, что он не какая-нибудь там Мурка, а Борис!

Боря стал таким красивым и счастливым – совершенно великолепным, что я стала сомневаться, отдавать ли его. Как отдать? А как же я? А мои колени? А хвост Балбеса?

Когда Борис приобрел форму шара, я поняла, что пора. Сфотографировала, чтобы в объявлении его увидели добрые глаза и взяли в добрые руки. Фото такое: Боря сидит на лавке, весь черный, усы прямые, смотрит в камеру желтыми глазами.

Как-то читательница прислала мне подарок – вышивку, на которой цветы, тыква, а из-за тыквы выглядывает черный кот, его прямые усы и желтые глаза. Мол, Оленька, это ваш мир, захотелось, чтобы эта вышивка была у вас. Я еще тогда очень удивилась, почему кот черный? Из черных у меня только пес. Удивилась, но вышивку повесила в спальне над кроватью.

После того как я сделала фото Бориса, глянула на эту вышивку – и ахнула. Кот на фото был точь-в-точь как на вышивке.

– Хм, – подумала я. – А можно было сделать такую вышивку, где из-за тыквы выглядывает не кот, а веселый, красивый мужчина? У него в одной руке шашлык, а во второй – чемодан с инструментами? Можно сделать такой заказ?

Так я решила, что если начала эту сумасшедшую жизнь в деревне с котами и собаками, нельзя останавливаться – надо

позориться до конца.

Объявление я так и не выложила.

Когда Борис лежит на моих коленях, он всегда держится за них, хотя бы одним когтем.

Тут, наверное, должен быть вывод, мол, держитесь за эту жизнь когтями. Хватайте ее, не отпускайте, крепко вцепитесь. Но я не люблю такое сама. А вот тактика Бориса мне кажется рабочей. Держаться крепко одним коготком. А может, и его со временем спрятать. Тут надо еще наблюдать.

* * *

Борис сразу понял, как мы живем нашу деревенскую жизнь, и сориентировался в правилах дома. Понял, что пес Балбес тут самый большой добряк и можно хватать его хвост двумя лапами. Что старшую кошку Мотю нужно обходить стороной и лучше сразу просто отдать ей свою миску с едой. Что утром мы идем гулять и нужно быстро перебирать лапами, чтобы не отставать от этого паломничества. А вечером – забираться ко мне на колени, пока мы с Балбесом рассказываем небу, как прошел наш день.

Теперь мы каждое утро встречаем рассвет так: впереди бежит Борис – сам малой, ноги худые, длинные, заплетаются, но держит хвост трубой и изо всех сил изображает из себя хозяина.

Дальше – кошки. Борис их пока еще бесит, они держатся

на расстоянии. Где-то рядом нюхает обочины Балбес в надежде еще кого-нибудь найти. Мотя присоединяется к нам уже возле сарая соседки Ленки. Сидит на дороге и за всеми нами присматривает.

Сегодня идеальное осеннее утро. Я обожаю такое. Вроде бы ничего необычного: петух кукарекает, птицы поют, туман между небом и землей как кремовая прослойка в пирожном. Кого это в деревне удивит. А меня – до сих пор.

Мама почему-то называет Бориса Василием.

– Заходжу, а Васыль сядзіць на стале!

А папа говорит так:

– Вредный он, потому и выкинули, а она подобрала!

Борис-Васыль тем временем растет и ходит за мной, как верный пес. Я в туалет – и он туда же. Я с кофе на лавочку – он со мной. Я на прогулку – и он мчит со всех своих длинных ног. А когда возвращаюсь домой из города – радостно бежит мне навстречу.

Я всегда устаю от лета и предвкушаю осень. Мы похожи с осенью любовью к молчанию, к спасительному свету в окнах дома и к жару бабушкиной грубки.

Мама называет наш «семейный хутор» райским уголком. Мы вчера сидели с «сожителями» на крыльце дома. Борис-Васыль у меня коленях, Балбес рядом. Ревнует, конечно, и хочет на мои колени сам, но забывает, что уже большой и не поместится. Остальные коты расположились по двору независимо. Еж фыркает и кряхтит, как дед. Идет очень мел-

кий дождь, будто небо кропит землю святой водой. За моей спиной стоит дом. Абсолютно райский уголок.

Боря живет так, как будто здесь все – для него. Все «сожителю» хотят с ним играть и рады, когда он прыгает на них (на самом деле нет). Мои колени – это его колени! Встречать рассвет? Я готов! Вечером смотрим на звезды? Я тоже хочу!

Видно, что Боря жил раньше в непростых условиях. Постоянно лезет в мусорку и на стол, прогрызает любые пакеты в поисках еды. Научился открывать дверь в дом. Прыгает на ручку, перелезает на козырек и прыгает в веранду.

Мама смеется: «Ты побач! Ну, ты побач! Акробат!» А папа говорит, что вечно я подберу какую-то заразу.

«Боря принесет нам счастье», – говорю я и маме, и папе.

Я люблю придумать что-то и поверить в это. Боря принесет нам счастье. Я так решила и все.

На самом деле я оставила Борю себе не потому, что я добрая и хорошая, а чтобы видеть каждый день, что все может измениться. Худой, запуганный котенок может стать блестящим Борисом. Возможно все. Чья-то любящая рука возьмет и перенесет тебя с обочины дороги в райский уголок. Там будет заманчивый для игры хвост Балбеса, своя миска для еды и колени, в которые можно уткнуться.

Все мои коты летом ночуют на улице. Они сами так решили, у каждой и каждого для этого есть чердак. А у Моти – Ленкин сарай.

Утром я открываю двери, и коты стекаются к порогу. Бе-

гут через веранду и сени на кухню, как говорит моя мама, как стадо коров. Мне тут же не остается места. Они занимают все. Каждое утро я думаю: «Оля, как так вышло, что это стадо коров – твое?»

Кот Борис никак не может подружиться с моими девочками. Он к ним и лапкой потрогать, и понюхать – а они только «шшшшшш». Когда мои «сожители» прогоняют Бору, я говорю ему: «Борис, борись!» А потом и себе: «Оля, будь как Борис».

У всех «сожителей» в доме есть любимые места. Рыжая Арома любит спать кружочком в кресле. Полосатая Хила садится на сундук, а передние лапы кладет на батарею. Балбес спит на диване прямоугольником.

Вечерами я наблюдаю, как Борис пытается найти себе компанию. Если люди социализируются, то коты – котолизируются?

Сначала идет в кресло и повторяет кружок за рыжей. Тихонько трогает ее лапой, мол, смотри, я такой, как ты. Рыжая шипит и прогоняет его. Он идет на сундук. Делает все как полосатая. Смотрит, как она, в окно. Даже соблюдает ее личные границы и не садится вплотную. Ничего не выходит. Она шипит и прогоняет его. Борис прыгает к добряку Балбесу. Жметя к его боку. Балбес не шипит, конечно, но спрыгивает на пол.

Борис осматривает комнату в поисках еще хоть какого-нибудь животного и видит меня. Я, хоть и без роскошных усов,

но уже, конечно, котилизируюсь с ним вовсю.

Прыйдзе Ілля, наробиць гнілля

Для меня первый месяц осени – август. Может, потому что нам, внукам, бабушка запрещала купаться после «Ильи». По ее словам, после 2 августа вода резко становилась холодной, и можно было утонуть. Мы этому верили и никогда это правило не нарушали. «Прыйдзе Ілля, наробиць гнілля», – говорят у нас.

Пору года нужно определять утром или вечером. Утро лета приходит сразу, в один миг, ночь выталкивает жизнь из своей утробы, и та кричит громко, как новорожденная. Летом сразу наступает день. Нет времени для медленного разгона – он буйный, бурный, яркий. Птицы, бабочки, стрекозы, клубника, вишня, черешня – все вкусы и цвета.

В августе уже совсем другие утра. Собираются лениво, как второклашка в школу. Соседский петух крикнет и умолкнет, из звуков остаются только мягкий стук падающего в траву яблока да мелкий, как пудра, дождь.

Самое лучшее, что есть для меня в августе, – это падающие звезды. Я не собираю ни ягоды, ни грибы, только их. Вчера видела последнюю августовскую падающую звезду. Гладила коня. В августе утро пахнет сливами. Вечер – спелыми яблоками. Мои ноги загорели и окрепли от ежедневной езды на велосипеде. Видела однажды, как прямо передо мной перебежал дорогу заяц. В августе обрываем с мамой

зеленую спаржу, тушим ее с чесноком. Готовим папе блины из кабачков. Раскладываем абрикосовое варенье в маленькие баночки, чтобы дарить друзьям.

Видели, как над крышей соседей долго кружили семеро аистов. Говорят, что так они празднуют свадьбу.

В августе вечер наполнен редкими звуками. Вот жужжит комар. Вот капля упала в ведро. Вот яблоко ударилось о крышу. Протрубил гром.

По реке уже плывут желтые листья. Как воинство, как громада кораблей. Еще не осень, но уже намек на нее.

Мы сидим на крыльце каждый вечер. Тут бы добавить голосовое, чтобы было слышно стрекот лета. В 22:21 по дороге за полем шумно возвращаются домой комбайны. Мама всегда говорит, что это самая любимая ее картинка – когда комбайны едут с полей. Что вот так они встречали их на дороге в своем детстве и махали им рукой.

Можно помахать рукой и комбайну, и лету, и звездам, которые догорели. И мечтам, которые не сбылись. Чтобы намного позже за это поблагодарить.

Деревенские вечеринки

В августе в деревню приезжала Даша. На мотоцикле из Минска. Чтобы не наехать на деревенскую курицу, ей пришлось упасть. Все остались живы, кроме фары ее мотоцикла. Мы ломали кукурузу и рвали помидоры с куста. Купались в реке и крутили педали велосипеда. А ночью сидели на крыльце с бокалами вина и смотрели на звезды. Хотелось очень много всего сказать, поэтому мы предпочли молчать.

Даша сказала, что ей удалось поймать ощущение спокойствия, которое она всегда искала. И даже фару ради этого не жаль.

Я так мечтала сплавиться по реке, так мечтала, что Даша не выдержала и сказала: «Жди, скоро приеду». Даша позволила Виталику, который сдает в райцентре каяки в аренду, и попросила посоветовать нам маршрут. Виталик спросил, сильный ли у нее мужчина. Даша посмотрела на меня и замолчала. Виталик догадался: «Или вы две дамы?»

«Именно. И еще мы будем на велосипедах».

«Это интересно», – сказал Виталик и почему-то засмеялся.

Мы встретили его на шоссе, Виталик вез наш каяк в Малые Прилуки – к месту начала сплава, куда мы мчались на велосипедах.

Виталик говорит: «Давайте стартанем не в Малых Прилу-

ках, а в Больших. Вы, я вижу, заряжены!» И мы согласились. Признался нам, что до последнего в нас не верил, с сочувствием спрашивал, где же наши «бойцы». Но две заряженные дамы из Больших Прилук со всем справились и передают вам привет.

* * *

А еще приезжала подруга Катя – певица и композитор. Поначалу она постоянно спрашивала: «А что мы будем делать? А какой у нас план?» Я отвечала: «Во-первых, не проносить в эти дни слово „план“». Катя успокоилась, выдохнула, села в кресло и вдруг говорит: «Хочу вязать! Сто лет не вязала, а у тебя так захотелось! Есть спицы?» О, думаю, началось. Еще пару дней у меня – и тебе захочется козу, коня, кур и бородатого сильного мужа.

Через два дня Катя сказала: «Знаешь что, не поеду я в отпуск в Грузию, а поеду в уже нежилой деревенский дом моих бабушки и дедушки. Буду там вязать, дышать и лежать на траве».

Так мы с Балбесом привлекаем талантливую молодежь в деревню.

* * *

Кое-что о деревенских вечеринках. Мама рассказывает очередную историю о том, как она ехала в поезде. Подруга Таня говорит: «Вы рассказывайте, рассказывайте» – и незаметно достает фотоаппарат.

В купе с мамой ехал молодой парень. Мама показала ему на планшете фото своей рассады, а он рассказал, что едет от девушки, с которой познакомился в интернете. В девушке он разочаровался. Попутчица, с которой мама тут же подружилась на основании того, что они земляки, предложила парню обратить внимание на мамину дочку, то есть меня. Фото мое в планшете не нашли. Но мама на всякий случай узнала место работы парня, его финансовое положение и планы на жизнь.

Папа снисходительно улыбается и мечтательно смотрит вдаль.

Даша играет на гитаре. Я делаю салат из редиски. А воздух пахнет цветущими вишнями.

* * *

Провели в деревенском дворе культурное мероприятие – «Дачник».

Развесили гирлянды, фото деревенской жизни, на траву расстелили ковер, представляли, что это сцена. Пригласили друзей и соседей, придумали программу. Сидели на поддонах и лавках среди подушек и пледов. Читали мои тексты вслух, слушали гитару и цимбалы. Когда Сергей читал текст про мою маму, она сказала: «Так все и было! А главное, так интересно написано!»

Таня приехала из столицы с инструментом, играла на цимбалах. Под шелест абрикосовых листьев музыка окутывала и лечила, а когда зазвучали белорусские народные песни, соседка баба Тоня запела вслух.

Михаил играл на гитаре. В свои 15 сумел в себя всех влюбить, к концу вечера к нему обращались исключительно «маэстро».

Другая Таня, которую все знают как прекрасного фотографа, вдруг запела джаз.

На афише «Дачника» любимая мною фраза, которая про всю мою жизнь: «Куда ты идешь? Огни в другой стороне! – Я зажгу свои».

А потом было деревенское застолье. И мама повторяла, накладывая всем картошечку: «Тут все только натуральное, экологически чистое!»

Все разъехались, и мы с друзьями остались впятером. Встречали звезды, сидели под небом и лампочками в пижамных штанах и свитерах. И Женя вдруг сказал: «Мне давно не было так уютно». А когда мне нужно было взять что-то

в доме, я останавливалась на крыльце, смотрела на ребят и замирала в немой благодарности. Чувство обретенного дома все больше крепнет внутри меня. И я пока не знаю, что в этой жизни может быть дороже него.

Когда делали общее фото, сломали лавку. По-моему, это признак того, что все удалось.

Какая-то деревенская баба

В наш деревенский рай приезжала Алеся Петровна Казанцева.

Я вообще сразу решила, что не буду этому удивляться, а буду делать вид, мол, что такого?

Алеся Петровна – человек, известный на весь «Живой журнал». Она – второй режиссер, автор, выступает со смешными и щемящими монологами, на ее выступления люди едут издалека, а тут она приезжает ко мне, Балбесу и кошкам. Как это осмыслить? Подумаю про это завтра.

Как-то мне мама рассказала про одного мужика из деревни, который, когда заходил в дом, просил гурка (огурца) с семенами и воды «с хрустом». Это значило – из колодца. Увидела у Алеси Казанцевой видео, где в какой-то поездке она находит колодец, набирает из него воду и пьет. И написала ей комментарий, что в нашей деревне про такую воду говорят – «с хрустом». Написала просто так. Ясное дело, что пишут ей многие, она вообще может это не увидеть.

Потом случилась череда невероятных случайностей, и мы с Алесей подружились. Когда она приехала ко мне в гости, увидела у меня колодец и рассказала, что однажды ей кто-то написал комментарий про воду «с хрустом», она хотела найти его и никак не могла – ей же многие пишут, диалог затерялся. Говорит, помню, что мне это писала какая-то де-

ревенская баба.

А этой деревенской бабой была я.

Так вот, известная Алесья приехала, надела папину фуфайку с надписью «Кобрин ССК», желтые резиновые сапоги и с ходу стала варить борщ.

Я сразу влюбляюсь в того, кто меня кормит и смешит. Поэтому Алесья мне тут же понравилась. Папе она понравилась, потому что папа любит борщ. Маме – потому что ей не надо три дня варить борщ. Балбес просто любит всех.

Алесья привезла с собой секретный ингредиент для борща, заварное тесто в кондитерском мешке, сито – в общем, все, чтобы кормить меня три дня.

Нет. Все же постараюсь осмыслить. Есть такие места, куда ты не можешь приехать сам, а только если тебя туда поставит Бог. Вот мне 25 лет. Я живу в Минске и работаю инженером-проектировщиком. Я думаю, что моя жизнь сложится так: муж-инженер, квартира в Минске, хороший коллектив, высокая зарплата, потом я инженер первой категории, может быть, к концу карьеры – заведующая группой. Я видела будущее только так.

Тогда мы с коллегами любили читать Алесью в «Живом журнале». С этого начинался наш день, мы спасались ее историями. Даже если все плохо: он не любит, потеряла ключи, кошелек, до зарплаты еще неделя, а денег нет, – считаешь Алесью, и хочется жить.

И если представить, что Бог мне в то время говорит в лоб:

«Оля, скоро все изменится. Ты уволишься с работы, поедешь жить в деревню, у тебя будут пес и кошки», я бы спросила: «В смысле? А на что я буду жить? А как же квартира в Минске? А муж-инженер? А что я там буду делать?» А Бог бы ответил: «Ты можешь хоть раз в жизни мне поверить? Вот просто один раз? Просто поверь, что все будет хорошо».

«Ну, что-то я не знаю. Как-то это все...»

«Тебе понравится! Так надо. Понимаешь, там у тебя растет старая слива, папа ее спилит. Выйдет отличный пенек. Если поставить на него чашку с кофе, в лучах рассветного солнца будет очень красиво! Пока не могу сказать зачем, но этот пень будет очень нужен людям. Оля, я уже все пересмотрел. Это можешь сделать только ты. Только эта слива, этот пенек подходят. Вариантов нет».

Я, конечно, ничего не пойму, буду очень против. Я о таком не мечтала! Это не мой план! Какие еще кошки? Какой еще пень? Бог вздохнет, посмотрит, что на компьютере у меня открыта вкладка с ЖЖ Алеси, и скажет: «Ну, хочешь, она к тебе туда приедет? Что ты на меня так смотришь? В смысле невозможно? Я же Бог!»

Иногда мы не можем доехать в то самое место просто потому, что не знаем, что оно есть. Это знает только Бог. Только у Него билеты. Купить билет нельзя, его тебе просто дарят. А ты можешь взять или нет. Как хорошо, что однажды я взяла.

А может, все было так. Бог же не заставляет нас жить по своему плану, Он дал нам свободную волю, Он ее тоже учитывает.

Вот, например, я. Сама хотела быть инженером, сама поступила в университет, хотела жить только в Минске. Бог подумал: «Ну хорошо, работать – в целом богоугодное дело. Я с тобой, дочь Моя».

Затем я хотела: работать в дружном и веселом коллективе, путешествовать, выйти замуж за инженера, купить квартиру, родить детей, в идеале старшего мальчика и младшую девочку. Бог согласился: «Семья, дети – все это богоугодное дело. Я с тобой, дочь Моя!» Бог все это время присматривал нам жилье, мне выбирал инженера, может, даже высшей категории. Подобрал хороший садик нашим детям. А в один день я просыпаюсь и говорю:

– Я все поняла! Я увольняюсь с этой работы! Доброе утро, Господи.

– Погоди! А как ты будешь жить? Где? На что?

– Без понятия! Я буду свободным художником!

Бог вздыхает, но говорит: «Ну, что ж, хорошо. Я с тобой, дочь Моя...»

И Он действительно со мной. Подкидывает мне хоть какие-то подработки и деньги, помогает с жильем. Планирует

как-то эту мою новую свободную жизнь в столице. И тут я встаю и говорю:

– Я все поняла! Я еду жить в деревню! Доброе утро, Господи!

– погоди! Это в ту деревню, где старый дом, нет воды, туалет на улице? А на что ты будешь жить? Какой твой план?

– В деревню! В деревню!

Бог вздыхает и говорит: «Ну, ладно, что делать. Я с тобой, дочь Моя!»

И вот я сижу на крыльце своего деревенского дома. Нет денег, нет воды, туалет на улице и шатается. Я говорю:

– Господи! Почему Ты меня оставил? Где Ты? Что же мне делать?

Бог отвечает:

– А Я говорил! Ну, не реви, ладно. Все будет, но не сразу. Мне же теперь надо сориентироваться как-то. У меня в таблице были вообще другие данные: муж-инженер, новый детский сад у метро «Молодежная» – все вычеркиваю. Нужно полностью переделывать проект. Лет через семь все будет хорошо. И помни: Я с тобой.

Всё живое живёт любовью

Свой отпуск я решила провести в одной белорусской деревне. Сняла у самой себя домик – какое счастье, что он был свободен в эти даты! В аренду входит поглаживание кошек, обнимание Балбеса. Огурчики в теплице с колючими пупырышками. Черешня, капуста, сладкая, как яблоко. Очень молодая картошка. Даже не спрашивайте адрес. Все очень дорого! Птицы не просто поют, они вопят. Зелень не просто зеленеет, а... попробуйте придумать сами.

Каждый день принимаю райские ванны. Это как «Жемчужная» или «Соленая» в санатории «Буг», только райская. Ложишься в беседке на матрас. Прикрываешь глаза. Тебе включают шум леса за полем, различные птички «фиу-фиу», небо в белых пятнах, как корова на пастбище. Время от времени переключают на режим «легкий ветерок» и «касание солнцем» – нежное, будто мизинцем.

Вечером культурная программа, идем на открытую площадку в художественный музей и обсуждаем эстетику картофельного поля – это такое современное искусство. Цвет, размер – все как настоящее!

Из спорта – походить по траве босиком.

Есть кафе «Пенек» только с летней террасой и видом на картофельный сад. А еще бар «У Барсика». У меня нет кота Барсика, просто бар «Барсик» – это весело.

По-моему, отличный и бюджетный вариант отдыха. Мне нравится.

* * *

Каждую осень папа вспахивает землю, как будто пеленает ее. А весной снимает пелену, земля новорождается и делает вдох.

Когда посадили картошку, папа приезжал, чтобы просто посмотреть на рядки. Картошка сидела в земле, ничего еще не было видно, а он уже ходил туда-сюда, заложив руки за спину, и внимательно наблюдал.

Я думаю, осматривать свою землю так же важно, как ее поливать. Обязательная часть картофельного процесса.

Ведь пожилые люди как говорят про любовь? «Он меня добра смотрел». Смотреть для них – быть внимательным, замечать другого – значит любить. Папа ходит и добра смотрит картошку. Звонит мне по утрам и спрашивает, как картошечка.

– Растет, – говорю я.

– Не замерзла ночью?

– Нет.

– Точно? Иди посмотри!

Хожу, смотрю на картошку, докладываю папе, что картошка бодра.

– А листочки какие у нее? – не понимает папа. – А пятна

на них есть?

Когда ночью обещали мороз, папа приехал и укрыл всю картошку землей. Морозов не было, он снова приехал и аккуратно откапывал каждый кустик. Зеленые листья сбрасывали комья земли, выравнивались под папиным взглядом, буквально втягивали животы, как солдаты на построении. А папа довольный – приглаживал свои усы, которых у него на самом деле нет.

Всё живое живёт любовью. Только так.

А однажды случается такой день, когда папа с утра счастлив, улыбается, шутит и поет песни про картошку. Потому что в этот день наконец он с ней встретился по-настоящему! Увидел, что картошку не съел жук, не поглотило зелье, она не сгнила, а выросла и лежит на земле, довольная собой.

Каждый год мама говорит папе, что нужно сажать меньше. Не молодые уже, куда столько? Папа отвечает: «Ну а что? На лавочке сидеть, что ли? А так – и сами поедим, и людей накормим. Ах, картошка – объеденье, пионеров идеал».

* * *

Ты копаешь картошку. Поле такое, что не видно его края. Еще только утро, а ты уже устал. Уйти с поля и бросить картошку ты не можешь. Это просто предательство. И ты ползешь вперед. А твои одноклассники в это время в городском парке отмечают День мороженого. Все веселье – там, а у тебя

плетеный кошик, грубая земля и картошка. И впереди еще целый день. Ты ползешь, земля колючая, колени красные, края не видно.

Вечером за вами приедет дед Митя на грузовой машине. Он погрузит в кузов мешки, вы сядете на них сверху, машина будет трястись, а чистое поле без края – с каждым поворотом колеса становиться все меньше.

И вот ты сидишь на мешке с картошкой в кузове машины деда Мити. Смотришь вслед пыльному, ровному полю. Колени чешутся. Тело как желе. Под колесами – дорога. А на небе – небо. Солнце уже садится, но завтра обязательно взойдет.

* * *

У папы день рождения. Я болела почти неделю, из деревни не выбиралась. Поэтому мой подарок ему состоит из очень простых вещей. Кленовый букет, рисунок, записка и галета.

Рецепт галеты я пошла смотреть в интернет. Первый был от человека под ником Анатолька. Кулинарное кредо Анатольки: «Просто, бюджетно и в охоту!» Я подумала, это же про мою жизнь! И пошла читать рецепт.

Анатолька мне понравился. Он никак не ограничивал мою свободу. Например, писал: «Возьмите какую угодно посуду». Или: «Яблоки можно порезать маленькими дольками, боль-

шими дольками или даже кубиками. А еще вместо них можно порезать грушу». Поэтому я порезала сыр.

Но самым лучшим был пункт номер 1: «С Божьей помощью все будет хорошо». Я подумала, что неожиданно в рецепте галеты для папы Анатолька дал мне ответ на все мои вопросы. Даже те, что я еще не задала.

Все будет хорошо. С Божьей помощью.

В моем детстве у бабушки в деревне телевизор показывал всего два канала. И только по вечерам транслировали третий – «Кобрин-TV». На нем существовала одна-единственная передача – музыкальные поздравления. Мы эту передачу всегда ждали с нетерпением. В ней играла спокойная музыка, на экране, на фоне открытки с цветами, появлялись слова поздравления. А ведущая, которую никогда никто не видел, эти слова зачитывала мелодичным, медовым голосом. Например, как внуки и дети поздравляют дорогого Василия Петровича с юбилеем и желают ему долгих лет. А потом для Василия Петровича включали музыкальный клип.

В архиве «Кобрин-TV» было не так много клипов. Их подбирали именинникам в соответствии с возрастом. Если поздравляли с 10-летием – включали песню «Маленькая страна» Наташи Королевой, если с 18-летием – «Чужие губы» или «Крошка моя» Сергея Жукова, если с 65-летием – «У церкви стояла карета» Надежды Кадышевой.

Телевизор работал вяло и капризно. Чтобы отряхнуть его от деревенского сна, нужно было стукнуть по крышке. Экран

покрывался рябью, из глубины которой слышался голос ведущей. Стукнешь еще раз – колдовство ряби рассеется, и станут видны розы на открытке.

Мы с двоюродными сестрами сидели на кровати перед телевизором и всегда радовались, когда человеку исполнялось 18. А самим было по 10. Потому что тогда можно было подпевать Жукову. Хотя «У церкви стояла карета» мы тоже знали наизусть и даже немного плакали о судьбе невесты.

А если поздравляли тебя – это было событие. Имениннику звонили заранее, просили завтра обязательно смотреть «Кобрин-TV». О том, что для него заказали песню, не говорили, и именинник делал вид, что не догадывается. Он сидел и ждал, пока поздравят всех Олегов Павловичей и Ларис Викторовен. А потом ведущая читала его фамилию, имя и даже отчество. И имениннику казалось, что именно его имя и отчество она читает как-то по-другому. Как будто действительно спешит от души поздравить. И тогда нужно было громко кричать, чтобы все домашние сбежались. Кто-то прибегал с кухни с бутербродом в руках, кто-то – из ванной, с намоченным на голову полотенцем. Заходил сосед в спортивных штанах, уважительно хмыкал. А кто-то обязательно звонил родственникам в другой город, чтобы они тоже включили передачу. Потому что действительно событие.

Когда я вернулась жить в деревню, узнала, что эта передача до сих пор жива. И если бы меня пустили на телевидение читать открытку, я бы сказала мелодичным, медовым

голосом: «Дорогие мои имена и отчества! Вы там себе что-то придумали, записали планы и цели, но приготовьтесь, что все, возможно, пойдет не так. Не лучше и не хуже. Правильнее. Потому что жизнь всегда будет мудрее нас. И обычно готовит для нас то, о чем мы вообще никак не можем догадаться, не можем просить, не можем мечтать. Совершенно другие дороги. Знайте, что все обязательно устроится, если научиться терпеть и верить. А поет для вас Надежда Кадышева. Конечно, о любви».

На день рождения мой сосед, который регулярно приносит нам домашние куриные яйца («Оля такая худая! Такая худая! Ей надо больше есть!»), подарил мне тюльпаны.

Обычно он кричит на Балбеса, не выпускает папироску изо рта, часто ходит небритый и выпивший. А тут срезал тюльпаны с клумбы и принес мне. Сказал, что целый день ходил возле моего дома, чтобы поздравить. Улыбнулся и пожелал всегда оставаться такой красивой.

Кажется, я узнала о доброте кое-что еще.

* * *

Мой сосед купил себе электроскутер. Гоняет на нем в город. Очень хвалит. Показал, как стартовать, скорости, сигнализацию. Даже обещал дать погонять. Я сразу захотела себе такой же.

Иду домой и вижу, что скутер стоит около сарая для кур,

делаю фото, пишу другу Кириллу: «Вот такой я хочу! Только, наверное, мне нужны еще и куры. Потому что он всегда паркуется у кур».

«Паркуется у кур? Значит, это и есть паркур? Еще так можно назвать курятник. Парк кур», – отвечает Кирилл.

Сколько важных дел у меня впереди!

* * *

Ехала из города в деревню на велосипеде. Был прекрасный день и солнце. Я сделала свои городские дела, поужинала с родителями – и вот еду обратно и думаю: «Господи, какой хороший день! Спасибо Тебе! Как же хорошо!»

И прямо в этот момент слышу сзади какое-то мощное «тыдыщ», как будто взрыв салюта. Торможу. Смотрю, в заднем колесе – огромная дыра.

«Господи, что я не так сказала? Что Тебе не понравилось?»

Что делать? Я на трассе между городом и деревней. Вспоминаю, что в фильмах, если у девушки ломается машина, она открывает капот. Думаю, что мне открыть в велосипеде? Можно тыкать пальцем в дыру на колесе. Но этим я только открою всем свой идиотизм.

Можно автостопить машину с прицепом. Но пока я стояла и выглядывала машину, я не шла. А солнце собралось садиться. И я выбрала идти вперед как есть, вместе с дырявым

велосипедом. Иду и снова думаю: «Что это значит, что мне Бог хотел сказать?»

Потом совершенно случайно задумалась о заповеди Адаму и Еве: «Плодитесь и размножайтесь». Почему тут два слова? Если речь о детях, то достаточно одного «размножайтесь». Тут же мимо проехал грузовик, на котором написано «ЕваЛэнд». Бог подмигнул, но не дал ответа.

Может, я сегодня согрешила и не заметила? А может, это предупреждение? Шла и спрашивала Его всю дорогу.

Дошла до дома и подумала, что, может, Бог все это время говорил: «Ничего! Ничего я не хотел сказать! Ну что ты заладила! Хотя нет... хотел же – колесо протерлось, пора менять».

* * *

Была в маленьком городе. Пишу Кириллу, что не могу решить, как добираться в деревню: на такси или пешком, пешком или на такси, хочется пройтись, но рюкзак тяжелый, поэтому на такси или пешком? «Держи в курсе», – ответил он.

Я дошла до остановки и решила все же вызвать такси, открыла приложение, и тут подъехал автобус. Я знала, что он довезет до окраины города, то есть здорово сократит дорогу. Вышла из автобуса, решила, что смысла такси вызывать нет, уже дойду. Когда оставалось идти минут тридцать, начала записывать Кириллу голосовое, мол, знаешь, не такси и

не пешком, потому что иногда есть третий вариант, которого мы не предполагали, жизнь подкидывает совсем неожиданные... Не успеваю договорить, потому что в эту минуту около меня тормозит сосед и предлагает довезти.

Воистину иногда жизнь подкидывает совсем неожиданные варианты, которых ты не мог предположить.

Богословие на котиках

Лучше всего я понимаю про Бога и про нас на котиках.

У старшей кошки Моти – растяжение связки. Мало того что она в целом не понимает, что за фигня с ней произошла, так еще и я, злая хозяйка, ее мучаю!

Сажаю в переноску и везу к врачу, потом в областной центр на рентген. Там еще более злобный дядя, чем я, беспощадно причиняет ей боль, ощупывая больную ногу. Мотя орет, а я хочу орать вместе с ней, потому что невозможно это вытерпеть.

Доктор выписал уколы и заключил: «Главное, чтобы она сейчас не шлялась». А Мотя ведь с детства живет в деревне. У нее не просто диван, ковер, миска – у нее земля. И счастливее всего она чувствует себя, когда несется по полю с мышью в зубах, чтобы подарить ее нам. Дома она только отсыпается, но всегда уходит на свои кошачьи работы – например, ловить мышей к Ленке в сарай. А тут ей говорят – не шляться! Ну и уколы.

У меня нет машины, и я понимаю, что сама делать уколы не смогу: или сломаю иглу, или уколою мимо кошки, буду трястись, потрачу нервы, короче – это невозможно. Хорошо, что Люся предложила помощь. Пока мы ждали Люсю, Мотя удрала!

Мотя хоть и деревенская, но интеллигентная. Дома гадить

для нее – это пасть до уровня мышей. Лоток она презирает как концепт. Поэтому она терпела и страдала. Я решила, что выйду на улицу с ней, на трех лапах далеко не убежит.

Все шло хорошо, Мотя выкопала аккуратную ямку, сходил в нее и села чуть дальше слушать птичек. Я решила, что пора домой. А она давай царапаться, шипеть и удирать!

Я бегу за ней, приговаривая: «Мотенька, ну пожалуйста! Нам надо на укол! Тебе станет легче! Сейчас уже приедет Люся! Я со всеми договорилась, все под контролем! Ну Мотя!» А Мотя шипит и удирает: «Няма дурных!»

Вот точно так же за нами бегают Бог, а мы не хотим терпеть никакие уколы. Что значит – нам это поможет? В смысле? Я не хочу больно *сейчас*, меня не интересует *потом*. Тем более когда потом? Через сколько? Я не понимаю. Не трогай меня!

А Мотя все же пришла сама. В конце концов, куда ей остается приходить – только домой. Как и нам всем.

* * *

Сидели с Мотей в очереди в ветеринарке. Приехал мужик – в рабочем комбинезоне, на куртке аббревиатура вроде «Брест-СКСК». Рассказывает администратору, что у них бригада мужиков, все добряки. К ним подбросили кошку, они ее подкармливали, кошка родила восемь котят. Мужики их не бросили, сделали фотки, дали объявления. Всех котят разобрали. Но одного – Степана – вернули. Они нашли Сте-

пану новых хозяев, но его снова вернули.

– А он такой красивый! Не понимаю, как его можно вернуть! Сам черный, галстук у него белый. Я вам сейчас покажу! – мужик полез за телефоном, показал Степана администратору и всем в очереди. Все согласились, что Степан красивый и зря его вернули.

Мужики поставили Степану коробку, постелили тряпки. А сейчас Степан заболел, и мужик примчался, чтобы узнать, как его лечить. «Понимаете, он же сын полка, как его бросить?»

Оказалось, что Степану надо ставить капельницы. Мужик сказал, что живет за 30 км от работы, работает два через два. Но что делать? Придется в свои выходные дни ездить ставить коту капельницы.

* * *

У меня есть в Минске свой личный ангел-хранитель. Я сама его себе назначила.

В переходе метро вокзала всегда сидит сестра милосердия из монастыря. Она сидит напротив дверей в метро, там, где поток людей и сквозняк, в белом облачении, на складном стульчике. Зимой – в валенках, в каком-то тулупе. Видно, что на ней много слоев одежды. Так она сидит целый день.

Я приезжаю в Минск поездом в 6 утра, если сразу еду работать, то подъезжаю на метро до автобусной остановки. Это

примерно 6:30. Часто я захожу в тот автобус, из которого выходит эта сестра милосердия. Такая большая, уже старенькая, в руках сумки – наверное, еда на день, складной стул, вещи какие-то. И, когда выходит, всем пассажирам желает Божьей помощи. Потом останавливается, оборачивается на автобус, крестит его и что-то шепчет.

Я ее назначила своим ангелом-хранителем. Если встречаю, значит, день пройдет хорошо. Я свято верю в ее благословение, как будто оно материнское.

Иногда иду, а она уже сидит на своем месте в переходе. К ней подходят люди, чтобы написать церковную записку. И она всегда очень внимательно слушает, беседует с человеком, если он что-то спрашивает.

Если я знаю, что у меня впереди сложный день, подхожу к ней и говорю: «Пожелайте мне хорошего дня». Она меня не знает совсем, но сразу крестит, говорит: «Ой, деточка» – и желает Божьей помощи. Однажды поцеловала в лоб.

Когда теряется вера в мир и в людей, я думаю про бригаду простых мужиков из «Брест-СКСК». И как один из них едет в свой выходной день за 30 км, чтобы поставить капельницу Степану, потому что у него такой красивый белый галстук и вообще он сын полка.

Когда теряется вера в мир и в людей, я думаю про сестру милосердия, которая каждый день везет складной стульчик, крестит автобус и шепотом молится за всех, кого он везет. Она будет сидеть целый день, а люди будут спешить мимо.

Но кто-то один свернет из этого потока, подойдет к ней, и она прижмет его голову к груди и поцелует в лоб.

Ежедневник 2025

Купила в магазине канцелярии в маленьком городе бирюзовый ежедневник. Забежала по делу, нужна была бумага для принтера. Уже у кассы увидела коробку с цветными ежедневниками. Руки сами потянулись. Дальше – как в тумане. Включила здравый смысл – куда мне еще, уже и класть блокноты некуда. Вернула в коробку.

– Купите себе на 8 марта, порадуйте себя, – говорит продавец, хотя на календаре уже 9-е.

– Я не могу, у меня уже блокнотная зависимость.

– Понимаю, у меня тоже. Я поэтому и открыл этот магазин.

Бирюзовый ежедневник пытается управлять временем, расставляя каждый день на свое место в бесконечности:

25 марта

85-й день года.

13-я неделя.

До конца года остался 281 день.

А представился мне так: «Формат А5. Характер разлиновки – линейка». Бывает еще «клетка». Но линейка моего – определенно характер!

Линейка разрешает совершать каждый день только 13 дел, и только с 8:00 до 20:00. А также рекомендует не забегать с заполнением наперед. Потому что довольно для каждого дня

своей заботы.

1. Повесить новую люстру. Зачеркнуто.

2. Перевесить новую люстру.

3. Помыть потолок и батарею. (Новая люстра стыдит меня старой грязью.)

4. Заказать новую этажерку. (Старой этажерке стало стыдно самой.)

Дальше несвязно и неразборчиво. Такой-то текст дописать, такой-то анонс написать, записаться, позвонить, дать ответ.

Между 15:00 и 16:00 – слова из книги Валерии Пустовой «Ода радости» черным цветом, крупно: «Живи как живется».

Вместо закладки – пакетик с семенами цветов. «Привлекательное однолетнее растение. Цинния изящная. Группа Кураж». Представила, конечно, так: «Для вас поет привлекательная гостья из Италии! Цинния Изящная!»

Семена подарила Валя 9 марта. В тот самый день, когда было рекомендовано себя радовать. Трясу пакетик, семена ворчливо толкаются друг с другом. Кладу пакетик на страницу между 29 и 30 мая. Как знать, что там будет, в будущем. Но приятно знать, что, что бы ни было, там будут цветы.

В этом году я наконец купила календарь мечты. Отрывной, какой был у бабушки. В газетном киоске они стоят копейки. Я выбирала между «Все обо всем» и «Делами житейскими». Взяла второй.

Такой календарь – как будто вернуться в женский коллектив, где под звук калькулятора и гудящего чайника можно было узнать, что сегодня, например, начался пост, но можно рыбу. Что Луна в Овне и сильнейшие магнитные бури – с утра болит голова. Что пора сеять перцы. А на выходных была у Гали, она такую скумбрию запекла в морковке! И Татьяна Васильевна в этот момент поправит очки и запишет рецепт – «скумбрия от Гали».

В моем календаре есть все для жизни – время восхода и захода, та самая Луна, мудрые мысли вроде «Если нет ветра, беритесь за весла», рецепт овсяного печенья для тонкой талии. Научные исследования «О пользе творога», познавательные материалы «Как появился шоколад», «Что такое глютен», «Как растить фиалки».

Мне нравится, что ты не знаешь заранее, про что будет в завтрашнем дне. Например, 17 января календарь пристыдил меня вот так: «Варить мясо, как и бульон, надо уметь. Об этом многие даже не задумываются. Кинул кусок мяса в воду и готово...» (Конечно, я и есть такой человек!)

А 18-го календарь рассказал про фестиваль оливок в Испании. 10 февраля подкинул стих Роберта Рождественского. Все вместе это и есть дела житейские.

Вместо утренней ленты новостей очень хорошо читать календарь.

19 февраля. Восход 8:22. Заход 18:25. Долгота дня 10:03. Луна в Раке.

И, кажется, пора сеять морковь.

Мои социализации

Когда долго не выезжаю ни в какой город, хожу социализироваться на заправку. Иду примерно час. Беру капучино, батончик «Ракурс». На кассе мне говорят: «Мы вам рады». Попросят карту клиента. Когда ухожу, говорят: «Приезжайте к нам еще».

И я представляю, что не просто пришла к ним из соседней деревни, а совершаю кругосветное путешествие.

Сегодня позвонила мама, рассказала, как утром съездила в Брест к врачу. Как все хорошо прошло, ее приняли, сделали УЗИ, она сдала анализы.

Когда мама уходила из поликлиники, то зашла в регистратуру и рассказала, как ей нравится эта поликлиника, как ее хорошо обслуживают и какие вежливые работники регистратуры. В регистратуре спросили: «А можете то же самое сказать заведующей?»

«Могу!» – ответила мама. Пошла и все рассказала заведующей.

А когда снова шла на выход, подошла в регистратуру и доложила, что она все сказала.

Возвращалась в свой город, автобус не остановился на остановке возле дома, а повез всех на автовокзал. То есть домой ей идти минут сорок. Мама мне рассказывает: «А я думаю, пешие прогулки полезны для здоровья. Вот, Господь

Бог послал мне пешую прогулку! Слава Богу. Я пошла-пошла и очень быстро дошла».

Я слушаю это и понимаю, что мама – молодец, а вот я захандрила, и пора мне отправиться в кругосветное путешествие. Все же хоть какая-то социализация.

Вышла под ледяной снегодождь, очень хотелось обратно. Но мужественно шла.

Мы рады вам. Капучино. Батончик «Ракурс».

Села за столик, будто я в кофейне. Сижу. Тут зашли мужики. К ним вышел хозяин Степаныч. Один из мужиков купил лейки и держит их в руках. Стоят втроем, ведут мужицкие разговоры: мол, на рыбалку бы, а не это все. «Не, я люблю ловить рыбу со сковороды. А вот Николай поймал семь килограмм...»

Я решила незаметно сфотографировать всю компанию и лейки. Навела камеру телефона. И тут мужик с лейками строго посмотрел на меня. Я испугалась и подумала: «Ой». А вслух от страха сказала: «Просто вы мне понравились». Мужик отвернулся. Думаю, ну вот, вышла в люди! Так себе социализация. Уткнулась в телефон. А мужик с лейками, когда уходил, подошел к моему столику и положил на него чупа-чупс. Говорит: «Это вам».

Бог посылает пешие прогулки, Бог посылает чупа-чупс. Только б нам не ныть и не хандрить.

Кто мой муж?

В деревне – событие. Прокладывают оптоволокну. Будет интернет, как у городской. Приехала бригада – оптоволоконники (буду называть их так) из Минска. Привезли с собой очень красивый, аккуратный маленький экскаватор. Такой, как будто его только что достали из картонной коробки, которую принесли из магазина игрушек. Бирюзовый, блестит, гусеницы, кабина, ковш – все есть!

Экскаватор, хоть и игрушечный, но совсем как настоящий. Едет и копает землю тоже по-настоящему.

И вот я, как положено, сижу утром на лавочке у старого дома. На коленях торчат уши Бориса, в руках – чашка с кофе. Мимо едет игрушечный экскаватор. Окно опускается, водитель здоровается и улыбается вовсю. Думаю, как-то подозрительно он мне рад.

А за день до этого в деревне была мама. И она мне рассказывала, что вот, приехали. Из Минска. Начали копать. Мама, конечно, вышла к оптоволоконникам, позвала всех на чай. Какой-то молодой согласился зайти. Мама посадила его за стол. Нажарила гренок, густо посыпала их сахаром. Оптоволоконник брал горячую гренку, хрустел сахаром, запивал травяным чаем и аккуратно вытирал руки бумажной салфеткой.

«Вкус детства!» – говорил он.

«Вы чаем, чаем запивайте!» – говорила ему мама.

Я тут же звоню маме и строго спрашиваю:

– Признавайся, говорила про меня?

– Да. Что тут живет девушка, которая хочет замуж.

– Мама! Ты что?!

– Я шучу! Шучу! Ни словечка! Ни словечка не сказала!

Ни-че-го, – не расколосась мама и положила трубку.

Оптоволокники оказались дружелюбными. Один из них сказал мне: «Вот этот черный котик и черный пес – мои ко-рефаны! Я подхожу, а они сразу животики подставляют!»

Они приезжали утром, Балбес шел на них лаять, двое мужиков выскакивали из машины и говорили: «Привет, друг!» И Балбес тут же вилял хвостом.

Как-то один из них принес ему косточку. Он трепал Балбеса за уши и говорил:

– Ну, как тебя зовут? Тузик? Бобик?

Балбес не признался.

Мужик рассказал, что у него дома кошки. Достал телефон, показал фото черного Уголька и рыжей Маруси – ей 22. Сказал, что видел у кого-то в деревне собак, которых не кормят. И что нельзя так. Нельзя обижать животных, они беззащитные, Господь Бог все видит. И задумчиво посмотрел на небо.

Вечером я вышла на дорогу с велосипедом. Экскаватор заканчивал уже свои дела, закапывал траншею. Окно опустилось, и водитель спросил, в этом ли доме я живу и можно ли у меня во дворе оставить на выходные экскаваторы.

Вот это да! То есть они будут у меня! И, может быть, я тоже смогу ими немного поиграть! Конечно, я сказала: «Конечно!»

– А вы замужем? – внезапно спросил водитель.

– Эээ... нет. А я что, вам понравилась?

– Да. Очень.

– Спасибо! Всего доброго, – сказала я, улыбнулась, села на велосипед и уехала. Потому что теряюсь в таких ситуациях.

Когда вернулась с прогулки, увидела, что игрушечные экскаваторы остались у соседки бабы Тони. Их пустые ковши уныло лежали на земле.

Один из мужиков спросил у меня: «Как вы тут живете одна? Не понимаю!»

Ну как. У меня есть дом, есть мои корефаны, мама, которая жарит гренки, таксисты, газовики, оптоволоконники. И Господь Бог на небе, который видит все. И главное, что из этого набора иногда получаются отличные истории.

* * *

Когда написала в блоге про таксиста, который меня просто привез домой, читатели комментируют: «Вот бы случилось чудо и он женился на вас!»

Пишу про газовика, который мне включил котел, мне пишут: «Вот бы случилась сказка и он оказался тем самым!»

Пишу про мужика, строителя дороги, мимо которого я

просто шла, мне пишут: «А вот, Оленька, зря вы прошли мимо, когда он сказал: „Эй, красивая!“ А вдруг это судьба! Я буду верить и держать за вас кулачки!»

С рыбаками, грибниками, которых встречаю на прогулке в лесу и могу обсудить их улов, – то же самое: «А могли бы позвать на чай!»

Так все же – кто мой муж? Газовик, таксист или рыбак?

А вообще ситуация такая. Не надо меня спасать из башни, не надо убивать дракона. Я выйду замуж за того, кто готов к тому, что любой юбилей и посиделки в караоке будут заканчиваться тем, что я подхожу к музыкантам и говорю: «Брат, от души. Поставь песню „А белый лебедь на пруду“». И буду подпевать от всей души.

Я буду петь очень плохо. Танцевать еще хуже. Но есть только такой вариант.

* * *

Вчера позвонила подруга. У нее дома муж, четверо детей, два кота. Мы с ней говорим, а в это время ее младшая дочь сидит на горшке. Подруга вдруг: «Ой, ой! Моя только что встала с горшка, пошла к лежанке кота и (как бы мне литературно написать тут) сделала море. А кот пошел на ее горшок и сделал то же самое. Прямо лапами влез и пошел после этого по дому. Все, все, пока!»

Сразу после этого позвонила вторая подруга, у нее муж и

трое детей. Говорим – и она вдруг: «Ой, моя младшая (как бы мне литературно написать) сделала „куличики“. Где подгузник? Пойду искать. Все, все, пока».

Недавно брала интервью, говорили с героем о радости. Он рассказывал, что бывают разные радости: есть радость человека свободного, который выбрал не создавать семью, радость путешествий, комфорта, возможностей, проектов, развития. А есть радость матери, которая знает, как пахнет у младенца между ушком и шеей.

У меня в этом моменте, конечно, перехватило дыхание. А Бог тут как будто приобнял меня и говорит: «Ну тише ты, тише. Ну хочешь, кот Борис (как бы Мне литературно сказать) сделает тебе и море, и куличики?»»

Бесконечный ноябрь

Осенью в деревне всегда чувствую свою затерянность. Как будто дождь размыл все указатели и почтовые индексы. Не добраться, не отыскать. С большим миром связана только тонкой, хрупкой паутиной. Дом становится ракушкой, из тумана и мороси пробивается только дым из трубы.

Когда выхожу в бесконечный деревенский ноябрь, вспоминаю строки из Бытия: «Земля была безвидна и пуста, и Дух Божий носился над водами».

Мир стал черно-белым, графитным, а голые и от этого хрупкие ветки деревьев тянутся к солнцу, которого нет. Конечно, солнце не бросает свою работу, всходит каждый день, но в ноябре к нему невозможно найти дорогу. Так же как можно потерять не родной дом, а дорогу к нему.

В деревне ты в какой-то момент становишься деревом и живешь по его правилам. Зимой – все живое только под толстой корой. И лучше не высываться. Зато весной невозможно не прорасти и не разрастись.

Каждый месяц года – как небольшой акт творения. Ноябрь и бесснежный декабрь – это только начало. набросок карандашом. Проект на утверждении. Бог размашисто черкнул несколько линий – примерно будет так. А потом уже «земля произрастит зелень, траву, дерево плодовитое». И будет это хорошо.

В описании творения мира меня больше всего завораживает вот это: «Дух Божий носился».

В ноябре может казаться, что сейчас ничего нет. Пустота и тьма над бездною. Голые деревья, голая земля, а часто и голая душа. Но над всем этим всегда был и будет Божий Дух.

* * *

В ноябре громкие звуки удивляют неестественностью, не потому что они плохи, а потому что не время.

Вот папа перепахал поле. И оно лежит, спеленутое, как младенец, и сопит до весны. Полю не время принимать семена. Птицам не время вить гнездо. И даже наш сельмаг работает на час меньше. (В ноябре не время работать – хотелось бы, чтобы так!)

В ноябре время переходить на шепот.

Почтальонам – возить людям бумажные письма.

А небу? Небу всегда самое время нас любить и ласкать.

И хотелось бы, чтобы в ноябре небо работало на час дольше.

* * *

Благодарить Бога хочется за какие-то пунктиры, силуэты и тени. За что-то прозрачное, как акварель, и хрупкое, как

саженец.

Когда идешь с Балбесом в сумерках гулять к водонапорной башне, останавливаешься, оборачиваешься и смотришь на свой дом со стороны, как прохожий.

Дом, виноград у веранды, лавочка у стены расположены так аккуратно, будто это детская аппликация. Можно представить, что за люди там живут и что сейчас они, наверное, будут пить чай. То есть ты смотришь на них будто из будущего. Или из прошлого. На границе дня и ночи стираются и границы времени.

Или, например, когда идешь полоть лук и видишь силуэт мамы в теплице. В ее руках цветные ленты – подвязки для помидоров, она наклоняется к стеблям и шепчет им что-то. Наверняка благословляет на рост. Это она прочла в журнале «Огородник». В одной минуте силуэт, шепот, взмах ленты становятся ответом на вопрос, что такое счастье.

Или за этот робкий летний дождь, от которого совсем не хочется прятаться. Точнее, прятаться как будто даже грешно. Такой он ласковый, что, кроме как Бог, никто не мог его изобрести.

Или за ночной поезд «Кобрин – Минск», которым никогда не хочется ехать, но не ехать никак нельзя. Засыпающие фонари на перроне, тоскующий гудок поезда, как будто он прощается с каждой станцией навсегда, нарисованные как на карте путешествий линии рельсов и весь этот путь из сегодня в завтра – еле видимы и реальны.

И вот за эти-то черточки, запятые, скобки, штрихи больше всего и хочется благодарить.

Мои дорогие «сожители»

Мои «сожители» готовы идти за мной куда угодно. Это всегда очень мило, коты – как собаки! Да, но с ними невозможно пойти гулять. Вот выхожу я, за мной Балбес, потом вижу – семят коты. Я понимаю, что далеко они не уйдут. Придется с ними возвращаться. Говорю им: «Домой! Сидеть!» А они все равно семят. Ладно, беру с собой.

На середине пути внезапно падают на дорогу и так лежат. Идти не могут. Беру на руки – вырываются: «Убери руки! Я сама!» И снова падают. Я стою, жду, когда они отдохнут. А если закрою их дома и пойду на прогулку одна, начнутся обиды. Так и ходим вместе, семеним, падаем и отдыхаем.

А когда я снимаю своих «сожителей» на видео, они ведут себя, будто утром получили сценарий. И сейчас внимательно слушают режиссера, а я пытаюсь взывать к его здравому смыслу.

– Начинаем так: черный пес сидит на белом снегу. Неподвижно. Только мотает головой влево и вправо. Пес у нас такой созерцатель, – говорит режиссер.

– Эммм, ну, он вряд ли будет так просто сидеть... он же пес, он всегда бегаёт...

Режиссер меня, конечно, не слышит, потому что он художник и уже все так представил. И продолжает:

– А потом выходят кошки. Сначала рыжая. Потом поло-

саята. Медленно идут, удивляясь снегу.

– Коты вообще вряд ли выйдут из дома в такую погоду...

– Потом рыжая делает прыжок!

– ???

– Просто такой прыжок в никуда, как бы радость бытия. И в этот момент кукарекает петух на заднем фоне. Такой символ пробуждения.

– Ээээ, понимаете, петух вообще не мой, я не могу ему приказать...

– А пес по-прежнему сидит и мотает головой. Как символ некой стабильности в переменчивом мире. А потом мы видим, как кот – этот, не рыжий, а второй, – нюхает дом.

– Что, простите?

– Дом. Он просто подходит и нюхает дом.

– Это невозможно.

– Почему? Он вот так запрыгнет на лавочку и чуть-чуть нюхает. Коснется носом и усами. Прикоснется к старине, корням, роду, памяти. Понимаете? А потом он посмотрит вдаль. То есть мы соединим прошлое, настоящее и дадим людям веру в будущее!

– ...

– Ну что, все на месте? Камера, мотор, поехали!

Сняли, конечно. С 36-го дубля.

А потом мне пишут: «А я смотрела видео и думала: вот сейчас кота запустили, вот сейчас второго кто-то из-за угла запустит. А вот пес как туда вышел мотать головой, непонят-

но. А дом просто намазали чем-то вкусным, поэтому его кот и нюхал!»

У меня тут реально все медом намазано. Для всех нас.

* * *

Или снимаю весну, рыжая кошка идет по крыше беседки. Вы думаете, что все вот так, с первого дубля: бабочка сидит на цветке абрикоса, кошка неспешно идет по крыше беседки и щурится на солнце? Рай, свет, жизнь?

С утра разбирали с ней роль: «Ты идешь по крыше к цветам, о чем это для тебя? Какая твоя цель? Что было в твоей жизни до того, как ты залезла на крышу? Что сейчас внутри тебя? Неси это в себе. От тебя убежала мышь? Правильно? Ты расстроена, верно? Потом подралась с сестрой за корм. Обиделась на Мотю-мать за детскую травму, когда она вылизывала тебя всегда последней. Вот это все начало драматургии. Ты идешь. И вот ты видишь бабочку! Понимаешь? Нет. Даже еще не видишь, но бабочка уже есть. Чувствуешь? Чувствуешь, как должна меняться твоя походка? Во всем этом должна быть метаидея. Ме-та! А пока у нас только идея меда у пчелки».

Раз, два, начали.

* * *

Когда у меня спрашивают, не страшно ли мне одной в деревне, я всегда говорю, что вообще-то я живу не одна. У меня есть Балбес.

Соседи завели пса. У него вольер, но когда они его выпускают, он в первую очередь бежит к нам. Сегодня лежала в беседке, слышу, как соседи вопят псу идти домой. А он, конечно же, бежит, но в наш двор. Думаю, не буду вставать, так хорошо лежу – Балбес разберется.

И что же? Пес заходит во двор, Балбес тут же вбегает в веранду, закрывается на щеколду. И уже оттуда очень смело и громко лает.

Поэтому в деревне мне совсем не страшно.

Весна просыпается

За день веранда нагревается мягким солнцем, и я переносу туда постель, чтобы спать на старом диване. Ночи в деревне отмоленные, упокоенные. Среди ласкающей тишины слышно, как ведро стучит о крышу колодца, как в небе летит самолет. Засыпать так легко, как будто тебе никогда не было страшно, как будто ночь отогрела, обняла.

Просыпаюсь от пения птиц. Выхожу на крыльцо, чтобы сделать вдох, распрямиться, взглянуться в небо. Ветер срывает цветы с абрикоса, и двор усыпан белыми лепестками-каплями. Я варю кофе и забираюсь на лавочку с ногами. Закрываю глаза и слышу, как из глубины ночи поднимается ворох звуков, красок, шепотов. Муравей, паук, шмель кланяются небу, утру, тишине.

В старом доме в темное пыльное окно бьются проснувшиеся после зимы бабочки. Ловлю их и бережно несую в ладонях на улицу. Бабочки сонные, не улетают, медленно расправляют крылья. Я наклоняюсь к их крыльям, чтобы рассмотреть узор, и от моего дыхания они наконец летят в небо.

Воздух пахнет землей, медом и молоком. Аисты в гнезде чистят друг другу перья. Поля распаханы, а сирень вот-вот зацветет.

Весна просыпается.

* * *

Сегодня пришла соседка тетя Валя и говорит: «Видела, как аисты паравалься. Ну, паравалься. Ну, любили. Он на ней сидел и махал крыльями. Вот тогда все и случилось».

Алена, которая живет напротив гнезда аиста, в прошлом году говорила, что на Благовещение аисты всегда уже высидывают яйцо. Я подумала, как это? Откуда они знают, что сегодня 7 апреля?

А вчера шла по деревне, и в каждом гнезде жены аистов уже сидят. Из гнезда торчит только клюв. Мужья-аисты хлопчут, суетятся, добывают еду. Носят и говорят женам: «Открывай клюв».

Деревенские благие вести как есть.

* * *

Мама в телевизоре подслушала разговор. В каком-то фильме дочь привела кавалера к отцу на смотрины. Кавалер отцу не понравился. Я не поняла почему, но он был категорически им недоволен. Махал кулаком и кричал: «Ты кого это привела? Нам нужен орел!»

И теперь моя мама часто спрашивает вслух, имея в виду моего будущего мужа: «Ну, где же наш орел? Нам нужен

только орел! Где он?»

А сегодня я подумала, ну что – орел? Летает где-то в облаках со своими высокими идеями. Домой не дозовешься. Гордый и высокомерный, а у самого нос крючком. То ли дело – аист! Аист высок, длинноног, красноклюв. Аист – семьянин. Гнездо строит, еду носит, любящий муж, заботливый отец. Я устала от орлов. Знаете что, мне нужен аист.

* * *

Опоры большие и маленькие

Сформулировала список жизненных опор:

1. Вера и церковь.
2. Возвращаться домой.
3. Мое бытописание.
4. Песни Леонида Агутина.
5. Свежий маникюр (не гель-лак!).
6. Папины драники по воскресеньям.
7. Кофе на заправке.
8. Подчеркивать карандашом в книгах.
9. Разложенные по дому в хаотичном порядке книги, блокноты, коты.
10. Идти пешком два часа.
11. Слушать Валерия Меладзе («Как ты красива сегодня»).
12. Петть Валерия Меладзе вслух («Как ты красива сегодня»).
13. Помыть пол, голову и накраситься.
14. Купить новый блокнот и никогда в нем ничего не писать.
15. Тихонечко похныкать.
16. Не писать списки.

* * *

Зимние мечты. Каждый год почти без изменений.

Долго-долго идти по зимнему лесу. Тронуть сосновую ветку, чтобы на меня посыпался снег. Идти по льду и смотреть, как под ним плавают рыба. Встретить оленя. Чтобы я шла по лесу и он вышел на тропу. Посмотрел на меня внимательно пару секунд и спокойно ушел в лес.

С этой мечтой я надоела всем. Ради ее исполнения я совершала безумные и странные поступки. Олень для меня – это чудо. Почти несбыточное. Хотя, казалось бы, Господи, разве я много прошу?

Разжечь костер в лесу. Пить кофе из металлической кружки. Есть кашу из деревянной миски. Ехать в поезде, когда за окном зимний лес.

Это все.

Господи, ну если не оленя, то хотя бы лису. Только пусть тоже посмотрит мне в глаза.

Хотя нет.

Никаких компромиссов!

Только оленя!

* * *

Из нетривиальных новостей: я видела двух лосей за один день. Перед этим мне приснился павлин с ярким хвостом, и теперь я знаю, что павлин снится к лосю.

Так вот, лоси. Зимой я писала друзьям, что мечтаю встретить оленя на снежной тропе. Я так хотела встретить оленя, что даже отправилась за ним в сомнительное приключение. В этом приключении я ждала оленя каждую минуту, мне его вообще-то обещали, но оленю на это было плевать. Зима прошла, олени тоже, видимо, куда-то прошли. Я о нем совсем и думать забыла. А тут лоси. Совершенно неожиданно. И в двойном экземпляре. (Понятно же, что олень и лось для меня тождественны по степени изумления и счастья?)

Уже пару дней пытаюсь сформулировать из этого всего какой-то философский вывод. Вроде все случается, когда перестаешь ждать. Или – если долго ждать, то случится с запасом. Не надо искать чудо, оно найдет тебя само...

Но пока мой стопроцентный вывод, что павлин снится к лосю.

* * *

Какие у нас тут в деревне предновогодние желания?

Чтоб вода никуда не уходила и колодец был полон. Чтоб дрова не заканчивались.

Коты хотят корову или хотя бы козу. Балбес хочет спать ночью на диванчике в доме, а не на веранде. И утром будить меня, тыкаясь холодным носом в щеку.

Я мечтаю о курочках. Конь! Просто такая красивая мечта. Я и кататься-то не умею. И жить ему пока негде.

Чтобы приходили письма, приезжали папа, мама и друзья. И одновременно чтобы я почаще была одна.

Чтобы зима была такой: дым в небо, свет в окне и следы на снежной дорожке от калитки к дому. А загаданные на моем крыльце желания по-прежнему сбывались.

Я хочу завести гуся. И назвать его Борис. У меня есть кот Борис, но ничего не могу с собой поделаться. Гусь – только Борис. И тогда будут у меня:

Один черный, другой белый —
Два веселых Бори.

...Когда вырасту, хочу быть детским писателем. А пока не выросла – взрослым.

* * *

Придумали с друзьями девиз Нового года: «Без упрека и ропота». Но подходит ко всей жизни.

В июле я промокла под ливнем. Укрыться негде, и новые бирюзовые кеды испорчены совсем, решаю «идти бестрепет-

но». Часто дышу, дождь заливает лицо, будто ты нырнул в глухое море. Ни ропота внутри, ни сожаленья – все с Божьих рук.

Июль учит никого и ничего насильно не тянуть в свою жизнь. Благодарить за то, что не случилось. Гулять ранним утром по тропе и слушать, как из нутра нового дня прорастают, как пшеница, апостольские слова: «Всегда радуйтесь».

В кабинете грузная женщина – хранительница деревянных ящичков со свежими документами – листает мой новый паспорт и с сочувствием в голосе говорит: «Никаких штампов, одна прописка».

Никаких штампов, думаю я. Ни в паспорте, ни в писательстве, ни в жизни.

Ни упрека, ни ропота.

* * *

Конечно, все чудеса, лучшие встречи, подарки судьбы невозможно запланировать. Они просто врываются в твою жизнь и ее меняют.

И ощущение счастья тоже планировать не выходит. Потому что оно пронзает тебя в одну секунду. И лично меня – чаще всего в бытовой рутине.

Вот ты идешь по тропе из желтых листьев, по которой ходишь каждый день, оборачиваешься, видишь, как за тобой бежит твой черный пес. Как за псом семят котята. И в эту

секунду, за этот поворот головы понимаешь, что ты счастлива. Что вот так и должно быть. Ты должна идти по этим листьям в дедушкином свитере, в больших носках и ботинках. Должно быть чуть прохладно. И справа должно быть зеленое чистое поле. А пес должен лизать тебе руки.

А потом вы все заберетесь на горку спиленных бревен в лесу. И каждому из вас будет о чем помолчать. И так тоже должно быть.

...Казалось бы, обыкновенный твой день, просто поворот головы, мимолетность, хрупкость мгновенья. Но все вдруг совпало. Все невидимые измерения сошлись в одной точке. И ты стал весь – наизнанку. Сокровенный человек.

Шла сейчас в теплицу за помидорами в каких-то своих тяжелых мыслях. Как вдруг в этих зарослях увидела, наверное, штук двадцать бабочек.

Я все никак не могу к этому привыкнуть. Что в любой момент в деревне можно протянуть руку и пощупать жизнь. Увидеть зайца в поле, аиста в небе, желтый листок под домашним виноградником. Столбенею каждый раз. Как будто мне дали чудо.

«Всякое житейское попечение отложите», потому что, как говорили мои бабушки в редкие минуты радости: «Господи, так это же еще можно пожить!»

Можно.

Баба Женя

Еду на велосипеде в деревенский магазин. На дороге выбегают щенки, бросаются под колеса. Останавливаюсь, кладу велосипед на обочину, тискаю щенка. Из калитки двора кирпичного дома в цветастом халате выходит бабушка, а за ней еще один щенок.

«Хотите взять щенка? Возьмите. Это два кобеля, их мать умерла, остались у меня, такие хорошие! А у меня нет сил за ними ухаживать».

Мама этих щенков жила по соседству. Однажды она пришла к Евгении Михайловне, бабе Жене – той самой бабушке из кирпичного дома – и осталась. Баба Женя пошла к соседке об этом сказать. А соседка болеет, практически не встает с кровати. Соседка сказала, что скоро умрет, собака это чувствует и ищет себе новый дом. Она попросила бабу Женю собаку не выгонять. И вскоре действительно умерла. Собака родила у бабы Жени щенят и попала под машину. Баба Женя по ней сильно плакала. Говорит, что успела привязаться и собака была очень верной.

Щенята растут чудесными, баба Женя поит их молоком, живут они на подстилке на веранде. Бабе Жене уже 76 лет, сил мало. Недавно она хотела повесить постиранное белье на улице и не смогла поднять руки. Ее муж не встает с кровати уже 20 лет – с ним случился инсульт после того, как их дочь

попала в аварию. Баба Женя за ним ухаживает. Говорит, ни за что его не бросит. Потому что вместе пережили жизнь, много горя – похоронили двоих детей из пяти. Но при этом жили душа в душу.

Пока баба Женя сидит на лавочке и говорит, щенята хватают меня за пальцы, лижут кеды. Баба Женя говорит, что не сможет их никуда вывезти: «Я сама сирота, як тая сабака».

Ее родители умерли, когда ей было восемь. После войны детдома были переполнены. Их с сестрой завербовали в Грузию работать на чайной фабрике. Затем они уехали в Россию. Там Женя познакомилась с мужем. Она работала поваром, он был трактористом. Он играл на гармошке, она пела. Родили пятерых детей. Потом вернулись на ее родину. Баба Женя говорит, что «любовь – это надо, штоб в душе было все тое самое. Чтоб вся душа была вместе. Совместно».

Во всех жизненных трудностях – болезнях, потере детей – она говорила: «А куда деваться? Мусіш жыты» (должен жить).

Через несколько лет после нашей первой встречи ее муж умер. Баба Женя очень скучала. Проезжая мимо ее дома на велосипеде, я всегда вглядывалась во двор в надежде увидеть ее согбенную фигуру с двумя палочками.

Не видела ее осень, зиму. А весной она снова сидела на лавочке у дома, закутанная в две хустки.

Я села рядом с ней. Оказалось, что у нее случился инсульт, дочка забрала в город. Но домой все равно тянет. Баба Женя

просит сына привезти ее сюда, хоть на пару часов.

«Все-таки жизнь тут прожила. Привезут, посадят бабу на лавочку, и я сижу с двумя палочками. А куда деваться?»

* * *

С фотографом Таней мы познакомились так. Это была моя первая осень дома, парк маленького города был усыпан листьями. Я каждый день ездила туда из деревни на велосипеде и гуляла. Очень хотела на память фото. Но у меня сломался телефон, и поэтому я просто запоминала все вокруг. В один из дней я увидела девушку с фотоаппаратом у пруда, она снимала уток и листья. Я подумала, что можно попросить фото у нее. Колебалась, конечно же. Ну чего лезть к человеку? У всех же личные границы. Куда ты, Оля, со своим фото? Но все же решилась.

Девушка согласилась скинуть мне фотографии. Мы обменялись контактами. Поговорили о красоте осени и вообще жизни. И внезапно она пригласила меня на бесплатную фотосессию. Там же Таня сказала мне: «Оля, мне не хочется тебя снимать, мне хочется с тобой разговаривать». Настолько мы с ней совпали. Интересами, ценностями, любовью к деревне и ее людям.

Мы подружились. Таня стала приезжать ко мне в гости, и я узнала, что тогда, в парке, подошла не просто к девушке у пруда, а к талантливому фотографу. Я тогда только перееха-

ла жить в деревню, в дом своих бабушки и дедушки, и влюбилась в этот простой, понятный мир и быт. Я всегда описывала мир вокруг словами, а Таня – с помощью объектива. Она сохраняла в фотокарточках «кубю» (кружки), банки на заборе, умывальник, хусточки-косынки, морщинистые руки, улыбки – детали, которые возвращали всех, кто смотрел на них, в свое детство, в каникулы у бабушки, в рай, где нет времени, где ты любим.

Мы с Таней решили собирать слова и фотографии, чтобы сохранить тени этого мира, с его трещинками и сколами, а также тех, кто в этом мире жил. Несколько лет мы ездили по деревням и собирали истории жизни простых людей. Тех, кого не показывали по телевизору, про которых не писали в газетах.

Они просто и честно жили свою жизнь, негромкую, непубличную. Но при этом умели трудиться, любить, благодарить и отдавать. Каждый из них прошел через испытания – войну, плен, детдом, голод, бедность, отъем земли, тяжелый труд, болезни и смерть близких. Но в их словах нет ропота, осуждения, злости, ненависти, а только благодарность и любовь. Быть свидетелями их трудной жизни – возможность исцелиться от собственной болезни недовольства.

Мы задавали им простые и важные вопросы и пытались понять, в чем их сила. Как они справлялись с трудностями, войной, бедностью, горем? Что такое любовь? Вера? Как находить силы жить?

Пожилые люди – как дети. Дети только пришли в наш мир из вечности, старики – ждут встречи с ней. Поэтому у них нет времени на фальшь, сожаления и обиды. Их лица, морщины, глаза не могут обмануть – в них отражается душа.

Вот мы приехали к бабушке, которая всю жизнь одна, ей 91 год, она читает с лупой Евангелие, почти не слышит, но еще сажает картошку, потому что «а шо я буду рабіць, калі не?» Забирается по деревянной лестнице на чердак – «ну калі трэба цыбульку узяць». Улыбается и светится, как «отрачо младо».

С возрастом люди становятся меньше ростом. Я думаю, это потому, что дверь в рай небольшая. Бабушки к концу жизни становятся маленькими, чтобы легко войти в эту дверь и случайно не задеть косяк головой. Чтобы сразу же шагнуть туда, где, широко расставив руки, их ждет Господь. И прижимает к теплой груди.

Память стариков устроена так, что они очень хорошо помнят какие-то давние события своей жизни, но могут не помнить того, что случилось сегодня, вчера. Какой был день, что ели, выпили ли таблетку.

Вот героине 94 года. Она пережила войну. Была в Германии, в лагере. Вернулась на родину. Родная деревня сожжена. Но отстроились. Жизнь как-то наладилась.

Часто старики подробно помнят именно войну. Помнят звуки, запахи – все как сейчас. Я была уверена, что и здесь будет так же. И это понятно. Но она снова и снова рассказы-

вала другую историю: «Он приехал с армии в отпуск и пошел на музыки, у нас танцы всегда в воскресенье. Потом говорил мне: „Никто мне не понравился. Только ты. Но как я могу подойти до тебя? Ты еще девочка была“. Он решил отслужить. И вот приехал. Семь лет служил. Хлопцы у меня были, но я их не любила. Значит, это не мои. И я ни за кого не вышла замуж. Он вельми красивый был. Мой Славка. Такой красавец. И мы стали встречаться. Быстро поженились. Я его любила до потери пульса, а он в четыре раза больше меня любил».

К концу жизни память становится маленькая, как котомка. Там остается только самое важное. Все, что в котомке, мы возьмем с собой в вечность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.